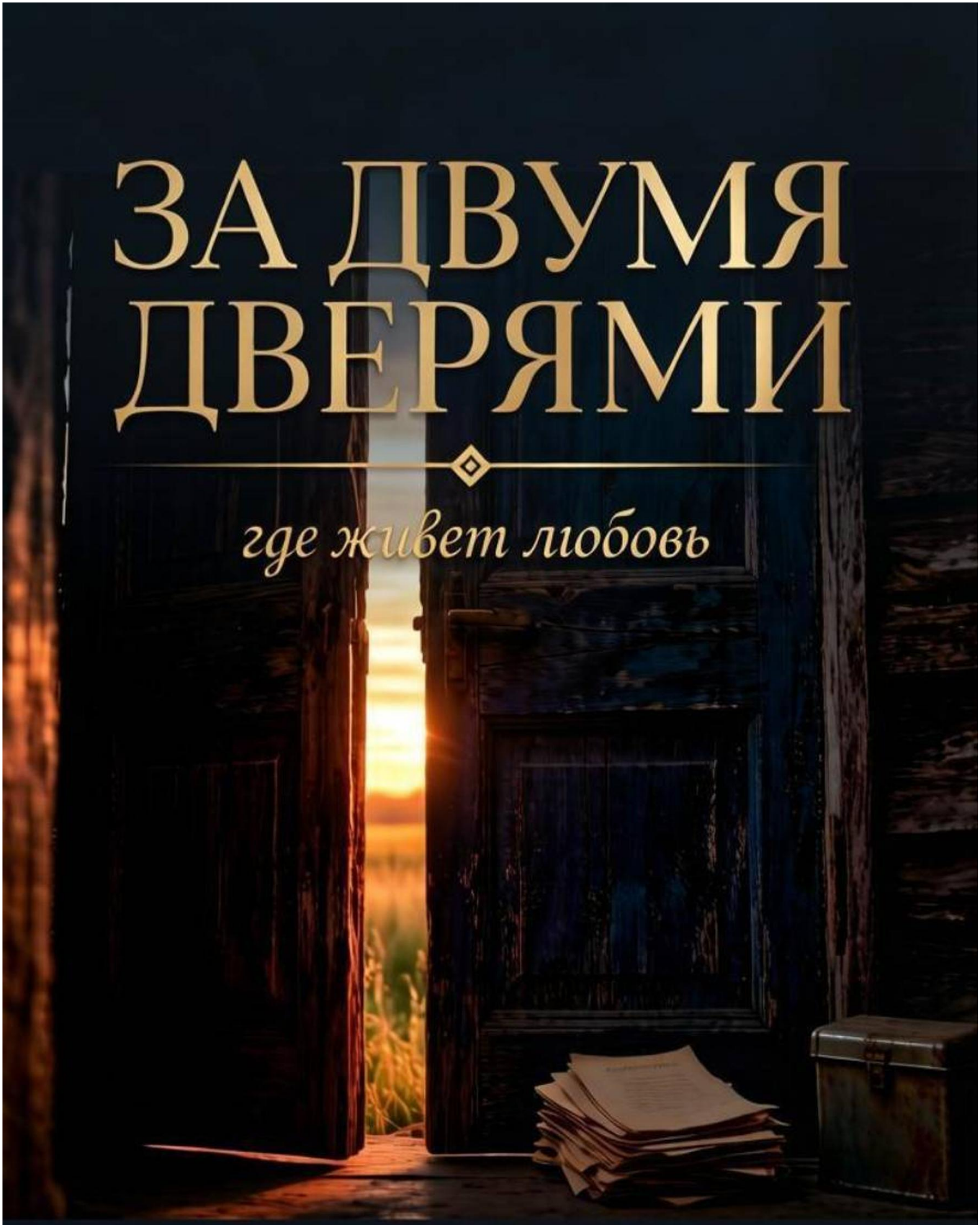
ЗА ДВУМЯ ДВЕРЯМИ

где живет любовь

МИРА ЭЛЬТ

18+

Мира Эльт

За двумя дверями, где живёт любовь

«Автор»
2026

Эльт М.

За двумя дверями, где живёт любовь / М. Эльт — «Автор», 2026

Она ждала его каждое лето. Он ждал её всю жизнь.Каждое лето жёлтая машина привозила Катю в деревню — и каждое лето всё начиналось заново. Дима ждал её на краю дороги с тех пор, как они строили шалаш и спорили, каким он должен быть. В восемнадцать они поняли: это не просто дружба, — и пообещали ждать друг друга.Они сдержали слово — через армию, разлуку и мамино холодное «он из деревни». Но одна тихая ночь в роддоме отняла у них главное, а жизнь превратила двух людей, которые так берегли друг друга, в чужих. Катя ушла — не от Димы, от невыносимой тишины. Рядом с Глебом, который умел просто молчать, она заново научилась дышать и верить в счастье.Пока однажды среди чужих документов ей не попадается фотография мальчика из дома ребёнка — мальчика, которого, как ей сказали много лет назад, не существовало.Пронзительная история о первой любви, письмах, которые держат крепче тросов, и о правде, которая приходит слишком поздно — но всё-таки приходит.

© Эльт М., 2026
© Автор, 2026

Мира Эльт
За двумя дверями, где живёт любовь

Глава 1

За двумя дверями, где живёт любовь

Часть первая. Обещание на краю поля

Дима стоял на краю дороги, где асфальт уже сдался и уступил место рыжей глине, и смотрел, как из-за поворота выныривает жёлтая машина. Он знал эту машину: каждый год она привозила Катю, и каждый год лето становилось другим. Не просто тёплым и длинным, а будто бы важным. Как будто в деревне наконец-то начинался настоящий сюжет, а не просто череда дней с коровами, велосипедом и дождями. И каждый раз, когда из-за угла показывался знакомый силуэт, у Димы делалось что-то с сердцем — так сжимается в один удар целый год, прожитый без неё.

Машина притормозила у калитки, и из неё первой выпрыгнула Катя — в джинсовых шортах, с рюкзаком, который явно был тяжелее её самой, и с таким видом, будто она не в деревню приехала, а на секретное задание. Рыжая от солнца, с растрёпанной ветром чёлкой, она выныривала из машины, как вспышка, — и в глазах Димы весь день сразу становился солнечным. Дима улыбнулся, но не сразу. Он сначала сделал вид, что просто смотрит на дорогу, потом на облака, потом на свои ботинки. Только когда Катя заметила его и закричала: «Димка!», он позволил себе шагнуть вперёд. Этот крик — звонкий, радостный, на всю пустую улицу — он потом, годы спустя, будет слышать в каждой тишине, которой отдаст свою жизнь.

— Ну наконец-то! — сказала Катя, скидывая рюкзак прямо на траву. — Я думала, эта дорога никогда не кончится. Там пробки, потом ремонт, потом бабушка всё время просила остановиться у каждой лавки… Рюкзак, упавший в траву, доехал до земли с мягким стуком; вокруг него закружилась и осела светлая пыль — полдень плавил воздух так, что края дороги дрожали.

Дима пожал плечами, стараясь выглядеть спокойным:

— Зато тут пробок нет. Тут вообще никто никуда не торопится. Он сказал это ровно, даже лениво, но пальцы, спрятанные в карманы, сжались сами: все месяцы, что её не было, он сосчитывал до приезда, как школьник — до каникул.

Катя прищурилась, оглядывая знакомые места: покосившийся забор, старую яблоню, которая в этом году почему-то цвела не так буйно, как раньше, и тропинку к колодцу, по которой они бегали босиком каждое утро. Всё было на месте — и всё чуть-чуть сдвинулось: забор стал ниже, колодец старше, тропинка уже. Так бывает с местами детства: они не меняются — это мы возвращаемся в них другими.

— Всё такое… обычное, — сказала она, но в голосе не было разочарования, скорее облегчение. — Как будто я никуда и не уезжала. Дима запомнил эту минуту навсегда: вечер, запах нагретой за день глины, её светлая голова на фоне неба — и мальчишеское, отчаянное желание остановить время, чтобы лето не кончалось.

Дни потекли, как вода в ручье после дождя: быстро, шумно, с брызгами. Дима и Катя исследовали окрестности, как будто это была не одна и та же деревня, которую они знали наизусть, а целый мир, полный тайн. Они строили шалаш в зарослях орешника, ловили головастиков в пруду, который местные называли «лягушачьим царством», и устраивали пикники из бутербродов с колбасой и яблок, сорванных прямо с ветки.

Но, как это часто бывает в детстве, между ними то и дело вспыхивали ссоры — мелкие, но такие обидные, что казалось, будто дружба вот-вот рассыплется, как сухой песок. Однажды они поспорили из-за шалаша. Дима хотел укрепить стены палками, а Катя настаивала, что шалаш должен быть «уютным», а не «как крепость».

— Ты всё ломаешь! — кричала Катя, когда Дима прибивал очередную палку. — Мы хотели домик, а ты делаешь склад дров! Голос её сорвался на последнем слове — не от крика, от обиды: шалаш был их общим местом, единственным, которое она умела называть «нашим», и она защищала его, как защищают всё дорогое.

— А ты всё только украшаешь! — огрызался Дима. — Нам нужно, чтобы он не развалился от первого ветра!

Они стояли друг напротив друга, красные от злости, и казалось, что сейчас кто-то из них развернётся и уйдёт, и лето будет испорчено. Над лесом уже тяжело громыхало — гроза шла с севера, медленно, как нехорошее предчувствие. Но вместо этого Катя вдруг шмыгнула носом, а Дима опустил молоток и сказал:

— Ладно. Давай сделаем и крепость, и уютный домик. Пусть будет и то, и другое. И в этих словах, как выяснилось потом, спряталось всё их будущее: самое главное в жизни говорится в детстве — между делом, мимоходом, когда ещё не знаешь цены словам.

И они сделали. Укрепили стены, чтобы шалаш выдержал любой ветер, а внутри постелили старую скатерть, повесили на ветки цветные ленточки, которые Катя привезла из города, и поставили туда жестяную банку вместо вазы. Простая, без единого узора, эта банка пережила потом шалаш, деревню и ещё многое — чтобы всю оставшуюся жизнь стоять на подоконнике. Но тогда никто об этом не думал. Когда всё было готово, они сели рядом, довольные и уставшие, и Катя тихо сказала:

— Знаешь, без тебя тут было бы совсем не то. Они не смотрели друг на друга, когда говорили это, — было слишком серьёзно, чтобы смотреть. Оба впервые почувствовали, что их дружба весит больше, чем дружба, — и не умели назвать этот вес.

Дима кивнул, не поднимая глаз:

— Ага. Тут вообще без тебя всё не то.

Восемнадцать лет Катя встречала в той же деревне, где всё было знакомо до каждой трещины в заборе. Дом украсили гирляндами, выставили пироги, но Катя смотрела не на угощения, а на дверь, будто ждала, что вот-вот в неё войдёт Дима. И он вошёл — с охапкой полевых цветов: ромашек, васильков, тонких сиреневых трав, названия которых не знал, но которые пахли летом. Он собрал их на рассвете, за околицей: ладони были в пыльце, а сердце колотилось, как в шестнадцать. Перед калиткой он долго репетировал своё поздравление — и всё равно перепутал слова.

— Это тебе, — сказал он, немного смущённо. — Я не знал, что берут на восемнадцатилетие. Думал, розы… но тут роз нет. А это хоть настоящее.

Катя рассмеялась, и этот смех был глубже, мягче, чем раньше.

— Настоящее — это самое лучшее, — сказала она. — Спасибо, Дим. Она ещё не знала, что запомнит их на всю жизнь — что спустя годы будет возвращаться к этой охапке, к его смущённой улыбке, к простоте, которой потом не найдёт больше ни у кого.

Когда стемнело, вынесли старый проигрыватель, включили музыку, двор наполнился звуками. Катя кружилась в танце, а потом вдруг остановилась, подошла к Диме и сказала:

— Пойдём куда-нибудь, где тихо. Тут слишком шумно. Она сказала это почти шёпотом, и у Димы на секунду перехватило дыхание: как будто всё лето они шли к этой фразе, сами о том не догадываясь.

Они вышли за калитку, прошли мимо пруда, мимо шалаша, который теперь казался маленьким и хрупким, и остановились на краю поля, где трава была высокой, а небо — огромным. Ветер шёл по траве волнами; первые звёзды проступали робко, по одной, как будто на что-то решались.

— Мне кажется, — сказала Катя, глядя вверх, — что в восемнадцать лет всё должно быть по-другому. Как будто я должна чувствовать себя взрослой. А я стою тут и думаю, что ничего не изменилось. Кроме того, что ты стоишь рядом.

Дима помолчал, будто каждое слово нужно было вытащить из себя, как тяжёлый камень.

— А мне кажется, — наконец произнёс он, — что взрослеть — это не когда ты знаешь ответы. Это когда ты не боишься задавать вопросы. И когда рядом есть кто-то, с кем можно

молчать. И в наступившей тишине они впервые услышали друг друга по-настоящему — не словами, а тем, что нельзя было сказать.

Тогда он решился:

— Я люблю тебя, Катя. Не как в детстве, не как друга. По-настоящему. У Кати перехватило горло. Так бывает: годами ждёшь, что тебе скажут самое главное, — а услышишь и не можешь дышать.

Тишина повисла между ними. Катя не спешила с ответом, будто проверяла каждое своё чувство, каждое воспоминание, каждую ссору и каждое примирение. Все эти годы были подготовкой. Она вдруг поняла, что держала ответ с того самого утра, когда впервые крикнула «Димка!», — просто не знала, как этот ответ называется.

— Знаешь, — тихо сказала она, — я столько раз думала, что когда-нибудь всё изменится. Что мы разъедемся, забудем друг друга. А потом я приезжала сюда, видела тебя, и всё становилось на свои места. И сейчас… сейчас я понимаю, что не хочу, чтобы что-то менялось. Хочу, чтобы это осталось. Ты и я. «Ты и я» прозвучало как обещание — большое, без оговорок, как обещают только в восемнадцать: когда ещё не знают, какой ценой потом выкупаются такие слова.

Он шагнул ближе и обнял её. Катя уткнулась ему в плечо, и в этот миг весь мир сузился до этого поля, до этого неба, до их дыхания. Это было самое тихое и самое громкое мгновение их юности: мир вокруг молчал, а внутри всё звучало.

С того вечера всё стало другим. Они по-прежнему спорили: Катя хотела, чтобы Дима больше рассказывал о планах, а он не любил говорить о будущем, потому что боялся, что слова сделают его нереальным. Она злилась, он замыкался, но теперь после каждой ссоры они возвращались друг к другу быстрее, чем раньше. Им казалось, что так будет всегда: ссориться и возвращаться, спорить и мириться. Они ещё не знали, что у любви, кроме возвращений, бывают двери, через которые уходят навсегда.

Однажды вечером Катя сказала:

— Расскажи мне про себя. Про то, чего боишься. Про то, о чём мечтаешь.

Дима вздохнул, посмотрел на воду, где отражались последние лучи заката, и начал:

— Я боюсь, что если уеду отсюда, то перестану быть собой. Что деревня — это часть меня, и если я её оставлю, то что-то важное во мне исчезнет. Но я боюсь и остаться. Боюсь, что жизнь пройдёт мимо.

Катя слушала, не перебивая. Потом взяла его руку и сказала:

— Ты не должен выбирать между тем, кем ты есть, и тем, кем можешь стать. Ты можешь быть и тем, и другим. Главное — не терять себя. И я хочу быть рядом, когда ты будешь искать этот путь.

Он улыбнулся, и в этой улыбке была благодарность.

Катя долго не решалась рассказать маме про их отношения. В конце концов, она просто села напротив неё за кухонным столом и сказала:

— Мам, я люблю Диму. И он меня. Это серьёзно.

Мама замерла с чашкой в руке, потом медленно поставила её на блюдце. На кухне повисла тишина — плотная, особая, в которой матери и дочери слышат всё, что не сказано.

— Катя, ты только-только стала взрослой. Перед тобой столько дорог. А Дима… он из деревни. Он никуда не собирается. Ты хочешь сказать, что ты хочешь остаться здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.